

Альбин Конечный

Петербургские дачи

В последнее время появился ряд исследований, посвященных петербургским и — шире — российским дачам [Деотто 1997; Deotto 2004; Lovell 2003; Утехин 2004].

Предваряя публикуемые ниже новые свидетельства петербургских старожилов П. Пискарева и Л. Урлаба о дачном быте начала XX в., напомним вкратце историю возникновения и бытования петербургских дач.

В очерке «Дачи» Булгарин писал:

«Владельцы особые и богатое дворянство в Германии и во Франции переняли у итальянцев вкус к загородным домам. Позднее он перешел в Англию. Но до конца XVIII века жили на дачах или в загородных домах, только цари, владельцы князья, вельможи и первостатейные богачи. Дворянство уезжало из города на лето в свои поместья; чиновники прогуливались в публичных садах или выезжали за город с семьями подышать чистым воздухом; купцы и ремесленники не дерзали переселяться из своей лавки, конторы или мастерской. Одним словом, горожане жили зи-

**Альбин Михайлович
Конечный**
Российский институт
истории искусств,
Санкт-Петербург

мою и летом в городе, в городской черте, и только по праздникам, в хорошую погоду, прогуливались за городом. <...>

*В России постройка дач стала распространяться в царствование императрицы Екатерины Великой, вместе с разлитием просвещения. Модное место была Петергофская дорога. Острова были пусты. Каждый из них принадлежал какому-нибудь одному лицу и имел не более одной дачи. Там, где ныне тысячи дач, было всего четыре: одна на Елагином, одна на Крестовском, одна на Каменном островах и Строгановская дача на Петербургской стороне. На Петербургской дороге было также весьма немного дач, и те принадлежали первым вельможам Двора Екатерины или первым банкирам. В Стрельной и от Стрельной мызы до Петергофа не было ни одной дачи еще в мое время. Сказать о ком-нибудь: **он живет на даче**, значило то же что: **он богат, силен и знатен**. <...> А ныне? <...> Почти все сидельцы Гостиного двора проветриваются по праздникам на дачах своих хозяев. <...> Не ищите летом купца в лавке, аптекаря в аптеке, немецкого мастерового в мастерской, бумажного дельца в его кабинете! Все они на даче! <...>*

*Любовь к природе, к деревьям, к цветам означает уже некоторую степень образованности, а возможность иметь **два** дома или **две** квартиры есть доказательство довольства. Все это правда, с малыми исключениями. Кроме того, этот вкус к дачам произвел новый город: **летний Петербург** (т.е. Петербургская и Выборгская стороны, острова Крестовский и Каменный). Пустые места и болота заселились и украсились прелестнейшими домиками и садами. <...> Дачи прибавили в С. Петербурге, по крайней мере, четвертую часть цены на все товары, на квартиры и на труд ремесленников и убавили, по крайней мере, два месяца времени из нашего **делового календаря**. На даче более естся, более спится, более гуляется — и менее работается.*

*Дамы разговаривают потому, что на дачах легко знакомятся и по соседству часто сходятся. Зимой можно и не продолжать **летнего знакомства**, ибо два города, **летний и зимний**, имеют особые нравы и обычаи» [Булгарин 1837; выделено автором. — А.К.]¹.*

Дача, — сообщала газета «Северная пчела», — «это слово получило в Петербурге настоящее свое значение оттого, что сперва раздавались вокруг Петербурга даром лесистые места для постройки на них загородных домов» [Воскресный летний день в Петербурге 1841].

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация источников изменена в соответствии с современными нормами.

«Петербургские дачи утратили первоначальное значение „загородного места, данного во владение Правительством или купленного каким-либо лицом“, — отмечал А. Греч в 1851 г., — под именем дачи теперь разумеется нередко крестьянский домик, нанимаемый горожанином на летние месяца» [Греч 1851: 176–177].

«Слово дача в значении летнего загородного жилища есть, можно сказать, почти исключительный термин Петербурга. Москва усвоила его от северной столицы, и то в недавнее время. Наши провинциальные города пока еще дач не знают, — писал Межевич. — В Москве несравненно менее живут на дачах, нежели в Петербурге. <...> Москва имеет множество садов, бульваров, освежающих воздух благоуханием и доставляющих тень и прохладу жителям. <...> Поэтому дачная жизнь в Москве не укореняется, не превращается в необходимость для каждого. <...> Петербург, занимая меньшее пространство земли сравнительно с Москвою, но при гораздо большем числе жителей, принужден тесниться своими огромными зданиями, выгадывать место. <...> В Петербурге есть одно только место для прогулки в летнее время — Летний сад; обилием частных садов он также похвалиться не может. И вот те причины, которые заставляют каждого городского жителя искать себе на лето приюта вне Петербурга» [Межевич 1842; выделено автором. — А.К.].

По свидетельству Вигеля, горожане стали выезжать на дачи в 1800 г. Воспоминая свой приезд в Петербург в 1802 г., он писал: *«Большой живости не было заметно. Город только через десять лет начал так быстро наполняться жителями, тогда еще населением он не был столь богат; обычай же проводить лето на дачах в два года [т.е. с 1800 г. — А. К.] между всеми классами уже распространился: с них еще не успели переехать, и Петербург казался пуст» [Вигель 1892: 3].*

Дача стала не только местом отдыха для многодетных семейств, проживающих в квартирах доходных домов, — здесь можно было на время освободиться от тягот жестко регламентированной службы и не столь строго соблюдать обязательные этикетные формы общения.

В 1830-х гг. жительница Петербурга писала своей подруге в провинцию:

«Петербургский обычай повелевает каждому порядочному семейству переезжать на дачу. От знатного барина и богатого купца до мелкого чиновника и конторщика, каждый выезжает на дачу с половины мая. Папа прочел нам длинную мораль насчет этой роскоши, обязывающей почти каждого жителя столицы иметь два собственных дома или две квартиры, и кончил тем,

сословий. Так, например, семейство недостаточного чиновника, поддерживающего существование одною лишь службою, считает уже для себя необходимостью жить на даче, хотя бы в тесной хижине, и каждое лето покидает Петербург, несмотря на все неудобства при перевозке мебели и на дороговизну содержания. Войско летние месяцы проводит в лагере, остающиеся же в городе семейные чиновники, купцы и порядочные ремесленники выезжают также в праздничные и воскресные дни за город к родственникам и знакомым на дачи к обеду или чаю или прогуляться. Прогулка по воде на яликах доставляет приятное удовольствие, особенно в тихую и ясную вечернюю пору. Пользоваться этими прогулками можно всегда недорогою ценою и спокойнее, чем на трясках извозчицких экипажах; у набережной Невы и каналов находится во всякое время множество красивых яликов, которые переносят гуляющих на отдаленные острова, украшенные уединенными, привлекательными приютами для прогулок. Привязанность к загородным увеселениям распространяется равно даже и на низшие классы петербургского населения; приятно видеть, как в воскресные дни, с четырех часов пополудни, начинают стекаться по окрестностям разнообразные шумные толпы пешеходов: сидельцев, мастеровых, лавочников всех возрастов и наций» [Пушкарев 2000: 666–667].

Что касается купцов, то в городе оставались в будни биржевые купцы 1-й гильдии, которые только в субботу могли отправиться к семье на дачу [Воскресный летний день в Петербурге 1841].

Лейкин свидетельствует, что «в сороковых годах дача была достоянием людей со средствами, а в купеческом быту ею очень мало пользовались и люди состоятельные» [Лейкин 1907: 21].

В.Р. Зотов в автобиографических заметках «Петербург в сороковых годах» вспоминает петербургские дачи 1840–1880-х гг.:

«На петербургские дачи жалобы слышатся также уже гораздо больше полувека. Число их в последнее время только значительно увеличилось. Столичный житель отвоевал себе несколько новых мест для своих летних переселений, но строил он для дач и тогда, как теперь, как истый консерватор, одни картонные домики, без всякого приспособления к своему климату, с мавританскими и другими украшениями по наружному фасаду, но без малейших удобств внутри, с верандами и бельведерами, но без печей, с разными применениями к защите от солнца, которое так редко заглядывает в Петербург, но без всякой защиты от холодного сильного ветра, насквозь продувающего все наши дачи, в течение всего так называемого лета. Меняются также по временам модные и излюбленные места для дачных поселений. В начале сороковых годов высший круг селился преимущественно на Каменном остро-

ве, в Царском <Селе> и Павловском, средний — на Петергофской дороге, в чухонской деревне Крестовского острова и в Колтовских, сообщавшихся с Крестовским только посредством перевоза на яликах, а от города отделенных деревянною мостовою, но не в форме торцовой, введенной в пятидесятых годах, а в виде бревен, положенных поперек улицы и по которым экипажи прыгали, как по фортепианным клавишам. Новая и Старая деревни вошли в моду только в конце сороковых годов с устройством моста на Крестовский и с открытием в Новой деревне минеральных вод и концертов Излера. В Полюстрове на своей роскошной даче жил тогда старик Кушелев-Безбородко и в его саду, открытом для публики, заезжие концертанты давали по временам музыкальные вечера. Московское шоссе и до проведения рельсов во вторую столицу было пустынею и занято не дачами, а фабриками, зато Петергофское, не отвоеванное еще путиловскими и другими заводами, переполнялось, особенно в Тентелевой и Автовой деревне около „Красного кабачка“ и Сергиева монастыря, мелкими дачниками, гулявшими по шоссе, покрытом густою пылью в сухую погоду и не менее густою грязью после дождя. По вечерам эти дачники, принадлежавшие большею частью к чиновничьему классу, были так же усердно в преферанс, как усердно винтят теперь их потомки» [Зотов 1890: 329–330].

В серии очерков «Наше дачное прозябание» Лейкин приводит топографию дачных мест, где отдыхало купечество, и создает образ торговца, оказавшегося не у дел на лоне природы.

«Карповка — это первая ступень дачной жизни. Серый купец, познавший прелесть цивилизации в виде дачной жизни и решаясь впервые выехать на лето из какой-нибудь Ямской или с Калашниковской пристани, едет на Карповку и потом, постепенно переходя к Черной речке, Новой деревне, Лесному, дойдет до Парголово и Павловска. На Карповке он отвыкает от опорок, заменяя их туфлями, ситцевую рубаху с косым воротом и ластовицами, прикрытую миткалевой манишкой, меняет на полотняную сорочку, начинает выпускать воротнички из-за галстука, перестает есть постное по средам и пятницам, сознает, что можно обойтись и без домашних кваса и хлебов, начинает подсмеиваться над кладбищенскими стариками, наставниками древнего благочестия, сознает, что и „приказчики — тоже люди“, укорачивает полы сюртука, отвыкает от сапогов со скрипом и впервые закуривает на легком воздухе „цигарку“, — одним словом приобретает лоск и быстро идет по пути к прогрессу» [Лейкин 1912: 226–227].

Биржевое купечество предпочитало Старую деревню, в которой было «много англичан-купцов, из года в год арендующих дачи, много немцев-купцов, много русских купцов, оперирующих на

бирже, утративших свой первоначальный тип и отдавшихся подражанию англичанам и немцам. Обитатели Старой деревни наполовину рыболовы и охотники до экскурсий на лодках. Они щеголяют друг перед другом гичками, рыболовными принадлежностями, купленными в английском магазине, эксцентричными костюмами. Многие держат здесь как верховых, так и упряжных лошадей, коляски и выезжают по вечерам на елагинский пуант» [Лейкин 1912: 282].

Павловск был *«аристократическим дачным местом»*, как и Каменный остров, где *«все подстрижено, все прилизано, жизнь в корсете, прозябание на вытяжку»* [Лейкин 1912: 239, 267]. И только очень богатые торговцы могли позволить себе купить дом на Каменном острове, а купец из Перинной линии — жить в Павловске на даче рядом с генералом и *«ежедневно дразнить генеральшу своими тысячными рысакми»* [Лейкин 1912: 240].

И, наконец, своеобразным дачным «дном» была Волынкина деревня, находящаяся на взморье вблизи Екатерингофа, там проводили лето *«купцы, хороводящиеся с актерами и идущие по пути к разорению»* [Лейкин 1912: 216].

В 1843 г. газета привела топографию дачных мест, которые предпочитали различные слои горожан:

«В Парголово живут, по большей части, немецкие купцы, содержателы купеческих контор, а между ними ремесленники и магазинчики. <...> В так называемой Чухонской деревне, на Крестовском острове, живут, большею частью, артисты французской труппы, чтоб быть поближе к Каменному острову, т.е. к театру¹. <...> На Черной речке, позади Строгановского сада, живут семейства русские и немецкие. <...> Емельяновка наполнена небогатыми немецкими купцами и ремесленниками, а также и чиновниками без больших претензий. <...> Характер Екатерингофа — русский. <...> Тентелева деревня — чиновничье гнездо и приют небогатых немцев. <...> Немецкая колония на Петергофской дороге имеет характер Парголово, только в миниатюре. <...> Дачи в Павловском и Царском Селе, т.е. квартиры, нанимаемые на лето в селении и в городе, принадлежат к особому разряду. Тут живут семейства, любящие городской шум, городскую жизнь и городской туалет, ищущие многолюдных гульбищ, виста, преферанса, словом рассеяния» [Смесь 1843; см. также Смесь 1845].

В конце XIX в. большинство горожан предпочитало проводить лето на дешевых дачах в Новой и Старой деревнях, сохраняя за собой городские квартиры под присмотром домовладельцев для

¹ Речь идет о Каменноостровском театре, построенном в 1827 г.

их ремонта, «а с некоторых пор здесь, — как сообщал в 1892 г. путеводитель по городу, — стали селиться даже и на зиму, что без сомнения следует приписать, в общем, до невозможности высоким ценам на квартиры в самом Петербурге» [Зарубин 1892: 214–215].

Летний город вспоминает Добужинский: «Петербург в летнее время пустел, „господа“ развезжались на дачи и по „заграницам“, и хозяевами города делались кухарки, дворники и горничные. На лавочках у ворот лущили семечки, слышалась гармоника, веселые маляры, которыми был полон летний Петербург, горланили свои песни. Это был „Питер“» [Добужинский 1987: 11].

Устоявшееся деление Петербурга на зимний и летний сохранилось и в XX в.

Недавно, перебирая домашние старые папки, я обнаружил воспоминания петербургских старожилов П. Пискарева и Л. Урлаба «Дачный быт Петербурга в начале XX века» (Машинопись. 22 стр. С авторской карандашной правкой. Рукопись датирована: 12 мая 1964 г.). Эти воспоминания мне подарила в 1972 г. уроженка Петербурга, жившая после революции в Эстонии, Ирина Константиновна Борман. К несчастью, Ирина Константиновна скончалась в 1985 г. и унесла с собой сведения об истории и авторах этого текста.

Публикуемые мемуары содержат подробнейшие бытовые реалии петербургского дачного быта.

Библиография

- Булгарин Ф.* Дачи // Северная пчела. 1837. 9 августа.
- Булгарин Ф.* Письма провинциялки из столицы // Сочинения Фаддея Булгарина. СПб., 1836. Ч. 2.; очерк впервые был опубликован в 1830 г. в «Северной пчеле».
- Вигель Ф.Ф.* Записки. М., 1892. Ч. 2.
- Воскресный летний день в Петербурге // Северная пчела. 1841. 13 августа.
- Греч А.* Весь Петербург в кармане. СПб., 1851.
- Деотто П.* Петербургский дачный быт XIX века как факт массовой культуры // *Europa Orientalis*. 1997. № 1. P. 357–371.
- Добужинский М.В.* Воспоминания. М., 1987.
- Зарубин И.* Альманах-путеводитель по С.-Петербургу. СПб., 1892.
- Зотов В.Р.* Петербург в сороковых годах // Исторический вестник. 1890. Т. 39. № 2.
- Лейкин Н.А.* Мои воспоминания // Николай Александрович Лейкин в его воспоминаниях и переписке. СПб., 1907.
- Лейкин Н.А.* Наше дачное прозябание // Он же. Неунывающие россияне: Рассказы и картинки с натуры. Изд. 2-е. СПб., 1912.

- М<ежеви>ч В.* Петербургские и московские дачи // Северная пчела. 1842. 17–18 августа.
- Пушкарев И.И.* Николаевский Петербург. СПб., 2000.
- Смесь // Северная пчела. 1843. 12 июня.
- Смесь // Северная пчела. 1845. 2 июня.
- Утехин И.* [Рец. на кн.] Lovell Stephen. Summerfolk. A History of the Dacha, 1710–2000. Ithaca and London: Cornell University Press, 2003 // Антропологический форум. СПб., 2004. № 1. С. 342–346.
- Deotto P.* Дачная традиция в Серебряном веке // Петербург — столица русской культуры II. Salerno: Europa Orientalis, 2004. P. 335–348.
- Lovell S.* Summerfolk. A History of the Dacha, 1710–2000. Ithaca and London: Cornell University Press, 2003.

П. Пискарев, Л. Урлаб

Дачный быт Петербурга в начале XX века

Дачные места Петербурга находились по всем линиям железных дорог. Однако особым расположением петербуржцев пользовались дачные места по Финляндской, Балтийской, Варшавской и Приморской железным дорогам, вверх по Неве, и, наконец, самые близкие к городу — на Островах и в Новой деревне.

Среди пригородных железных дорог особое место занимали Приморская и Ириновская железные дороги.

Приморская железная дорога имела две линии: одна от Новой деревни до Сестрорецкого курорта, другая — до Озерков. Подвижный состав отличался маленькими вагонами и особым видом паровоза, имевшим вид железной коробки кубической формы. Вид этого паровоза был тождественен паровику городской железной дороги от Знаменской площади (ныне площадь Восстания) за Невскую заставу.

Ириновская железная дорога, проходившая от Охты до станции Борисова грива на Ла-

дожском озере, была узкоколейной. Тип паровоза на ней был обычный. Но такой паровоз можно было назвать только паровозиком — настолько он был миниатюрным, вагончики же почти игрушечные, напоминающие вагончики детских железных дорог, которые теперь существуют во многих городах Советского Союза. Движение по Ириновской железной дороге было очень медленное. Билетами пассажиров снабжали кондукторы, следовавшие с поездом.

В зависимости от дачных местностей распределялся и контингент дачников.

Места так называемых царских летних резиденций (Царское Село, Петергоф и др.) заселялись на летний сезон лицами, имевшими прямое отношение ко Двору, высшими чиновниками, семьями офицеров гвардейских полков. Прописка в этих местах была затруднена, так как там решающее значение имела благонадежность нанимателя дачи. Помимо дворцовой охраны и наружной полиции места эти были наводнены агентами тайной полиции — шпиками.

Однако следует иметь в виду, что контингент этих дачников не был велик, так как многие из этих людей уезжали за границу, на южные курорты и, наконец, в свои поместья, — ведь многие из них были богатые помещики.

Сестрорецк был местом отдыха крупной буржуазии — в районе Курорта — и представителей интеллигенции — в районе самого Сестрорецка и по Приморской железной дороге.

Дачи, расположенные за Белоостровом по Финляндской железной дороге, были излюбленным местом отдыха адвокатов, врачей, профессоров, литераторов (можно назвать фамилии: Горький, Леонид Андреев, Репин, Чуковский, Герценштейн, убитый черносотенцами в Териоках).

Наиболее состоятельные группы населения нанимали дачи, не считаясь с расстояниями. Отправляя семью на дачу, глава семьи оставался в городе, выезжая к семье лишь по воскресеньям. Такие богатые дачи, многокомнатные и благоустроенные, находились в наиболее здоровых и живописных местностях, как то: по Приморской, Финляндской и Варшавской железным дорогам. Нанимали и целые дачи-усадьбы, не считаясь с их отдаленностью от станции железной дороги, так как такие дачники имели собственные выезды. Это надо отнести, главным образом, к дачам-усадьбам по Финляндской железной дороге, за пределами станции Белоостров, служившей до революции границей с Финляндией, которая, входя в состав Российской империи, пользовалась автономией. Многие имели собственные дачи-усадьбы.

Менее богатые люди снимали дачи в разных местностях, но стремились занять помещения наиболее привлекательные по внешнему виду, с удобствами, среди живописной природы, вблизи леса, парка, моря, озера или реки.

Чиновники, служащие частных учреждений и предприятий и другие были, конечно, менее разборчивы и требовательны в выборе дач — лишь бы подешевле и поближе к городу, так как глава семьи приезжал на дачу ежедневно после службы.

В вагонах поездов Финляндской железной дороги часто можно было встретить картежников, которые за картами коротали время. Это были большей частью дачники, ехавшие на дальние расстояния по субботам к своим семьям. Компании этих картежников были постоянные, ехали они всегда в одном поезде, в одном вагоне и нередко до одной и той же станции.

Рабочие, даже квалифицированные, зарабатывавшие более мелкого и даже среднего чиновника, как правило, на дачу не выезжали. Это объяснялось тем, что рабочие — выходцы из деревни — не теряли с ней связи и отправляли туда свои семьи.

Дети же рабочих, потерявшие связь с деревней, обречены были проводить лето на улице или во дворе дома. Ребята на рабочих окраинах могли еще бегать по чахлой траве, которая росла за их домами, а жившие в пределах города ютились в дворах-колодцах, где не было воздуха, где стояло зловоние от мусорной ямы, куда не заглядывало солнце. О судьбе этих детей никто тогда не заботился. Такие рабочие выезжали с семьей по воскресеньям за город.

О найме дачи начинали заботиться с ранней весны. В марте месяце можно было наблюдать бродивших людей в поисках дач. Белый билетик на окнах дач говорил о сдаче помещения внаем. Многие дачники держали постоянную связь с одними и теми же домовладельцами, снимая у них дачу из года в год.

Цены на дачи были различны, все зависело от местности, размера дачи и удобств. Многие дачи сдавались с обстановкой и даже с посудой.

Для примера можно привести следующие цены: Павловск, дача с обстановкой из пяти комнат — 300 рублей за лето; Финляндия, станция Перкиярви, дача в два этажа, в шесть комнат с обстановкой и посудой, на берегу озера с лодкой и купальней — 150 рублей за лето; там же, но вдали от озера, дача из трех комнат с остекленной верандой, без обстановки, — 80 рублей за лето.

В ближайших местностях от города: в Шувалове, Лиговке, Дачном, на Всеволожской и др., — цены на маленькие дачи в

одну, две комнаты с палисадником колебались в пределах 25—50 рублей за лето.

Дачники, снимая дачи в несколько комнат, со своей стороны могли сдавать внаем комнаты, чем удешевляли стоимость своей дачи. Такие комнаты сдавались, главным образом, одиноким и ходили по цене 10—15 рублей за лето. К таким съемщикам можно было отнести молодых приказчиков, конторщиков и других малоимущих служащих.

А как жили сами владельцы дач? Это зависело не столько от размера помещения и материального положения владельцев, сколько от их характеров. Скупой владелец, даже хорошо обеспеченный, готов был заботиться в собачью конуру, лишь бы побольше сдать, побольше получить денег. Но не все же были такие алчные. Были среди владельцев и разумные, культурные люди, которые не только извлекали доходы от сдачи дачных помещений, но и сами летом жили по-человечески, занимая либо верх, либо низ двухэтажной дачи или занимали отдельный теплый домик, в котором жили и зимой.

С течением времени все больше и больше стали приспособлять дачные помещения под зимнее жилье. Разные причины побуждали людей переселяться из города в пригород. Этим людям, круглый год снимавшим помещения в пригородах, стали называть «зимогорами».

Некоторые предприимчивые домовладельцы не только сдавали дачи, но и отпускали домашние обеды. На заборах или на телеграфных столбах висели на кнопках маленькие записочки, которые лаконично оповещали дачников: «Домашние обеды. Адрес такой-то». Холостых дачников это устраивало. Такие обеды хорошего качества из трех, четырех блюд были рассчитаны на людей состоятельных. Посетители были постоянные и приходили всегда в одно время к горячему обеду. При хорошей погоде обед подавался на веранду или даже в сад. Такая благоприятная обстановка привлекала посетителей, так как она составляла в какой-то мере идиллию домашнего уюта.

В то время квартиры в Петербурге были очень дороги, а дачи по сравнению с ценами на квартиры — дешевле. Учитывая это обстоятельство, многие петербуржцы, бросив квартиру, распродав мебель или сдав ее на хранение на склад, уезжали на дачу. Прямой расчет. Если за большую городскую квартиру надо было платить 150 рублей в месяц, то за эти же деньги можно было снять дачу на все лето, то есть месяца на четыре, что составляло 35—40 рублей в месяц. Так поступали не только состоятельные люди, но и люди со скромным достатком, все

зависело от предприимчивости людей, от состава семьи и прочих обстоятельств.

Начинались сборы на дачу. В сборах участвовали все члены семьи. Каждый заботился о том, чтобы не пострадали его интересы. Хозяйку заботило хозяйство и туалеты, хозяина — все то, что было связано с любимыми дачными занятиями, а детей — любимые игрушки. Сборы влекли за собой суету упаковки. Размеры и характер сборов зависели от того, кто, куда и на какую дачу едет. Одно дело обеспечить всем необходимым многокомнатную дачу, другое — дачу в одну, две комнаты. Следует иметь в виду, что даже дачи с обстановкой требовали еще многого, чтобы создать жизнь на даче достаточно удобную и благоустроенную.

Для перевозки вещей в близлежащие дачные местности, на расстояние до 30 километров, пользовались ломовым транспортом. Дачники заранее договаривались либо непосредственно с извозчиком, либо с хозяином конного двора о времени прибытия транспорта для погрузки и сообщали адрес.

Стоимость такого транспорта была примерно рублей пять на ближайшие от города дачи, радиусом километров 20–25. Грузоподъемность телеги — до одной тонны.

Прибытие извозчика было всегда довольно точно. Если в переноске некоторых вещей из квартиры на улицу участвовали все члены семьи, за исключением тяжелого груза, то погрузку вещей на телегу делал сам извозчик, так как это дело требовало опыта и сноровки, чтобы воз не развалился и ничего не потерялось в пути.

После погрузки, все вещи перевязывались длинной крепкой веревкой, которая затягивалась с таким расчетом, чтобы захватить все вещи. Для этой цели под площадкой телеги находились крючья, через которые пропусклась веревка с одного борта телеги на другой. Для большей надежности веревка закручивалась палкой. При погрузке вещей извозчик учитывал как свои интересы, так и удобства прислуги, сопровождавшей воз. Для этой цели на переднюю часть телеги ставился либо пружинный матрац, либо диван, на котором торжественно восседала прислуга, держа в руках корзинку с кошкой, или клетку с канарейкой, или аквариум с золотыми рыбками, или горшок с фикусом, или огромную трубу с граммофоном. Извозчик, как правило, шел рядом с возом, периодически подсаживаясь на матрац или диван рядом с прислугой, с которой иногда завязывалась оживленная беседа. На случай дождя извозчик имел большой брезент, которым покрывались вещи и люди, сидевшие на возу. Надо поражаться выносливости

лошади, которая по булыжному покрытию на железных шинах тянула этот тяжелый груз.

Путь длился часами. За это время приходилось останавливаться на отдых, чтобы подкрепиться извозчику, накормить и напоить лошадь. Местом такого отдыха служили постоянные дворы, трактиры, чайные.

Все шло хорошо и гладко, пока воз тянулся по дороге. Но как только приходило время съезжать с шоссе на проселочные дороги, начиналось мучение и лошадям, и людям. Дороги были ухабистые, с глубокими колеями, полными воды и жидкой грязи. Ноги лошади и колеса утопали в грязи и глине. Телегу бросало из стороны в сторону, вызывая страх как у извозчика, так и у прислуги. Выбраться из глубокой колеи на более ровное место было невозможно. Измученная лошадь останавливалась вся в поту и пене. Если извозчику не удавалось кнутом сдвинуть лошадь с места, приходилось обращаться за помощью к случайным прохожим. Пока продолжалось это мучение, дачники, сидя в пустой даче, со страхом поглядывали на часы и на дорогу, не покажется ли наконец долгожданный воз, и облегченно вздыхали, когда он появлялся на дороге. Были случаи, когда такие испытания оканчивались авариями. Чтобы избежать аварии, приходилось иногда разгружать воз, давая возможность лошади выбраться на более ровное и безопасное место. А потом вновь нагружать его и продолжать путь дальше.

По прибытии воза на дачу начиналась разгрузка. Тяжелые вещи разгружал извозчик, остальные — все члены семьи дачника. После выгрузки вещей миссия извозчика считалась законченной. Можно было собираться в обратный путь. Извозчик снимал картуз, низко кланялся нанимателю и желал ему и его семье благополучного и веселого отдыха на даче. Наниматель в долгу не оставался и в ответ на добрые пожелания извозчика при расчете с ним благодарил за сохранность и целость вещей и давал ему «на чай». Извозчик благодарил и отправлялся в обратный путь, довольный, что, несмотря на некоторые неприятности в пути, все кончилось благополучно.

Для перевозки вещей на дальние расстояния пользовались железнодорожным транспортом. Когда находились дачники-попутчики, заказывали вагон совместно. Чем больше было таких попутчиков, тем дешевле обходилась перевозка вещей.

Вещи доставлялись на вокзал. Сдатчик получал квитанцию, и на этом все его заботы кончались. Более мелкие вещи сдавались в багаж пассажирского поезда. Перевозка вещей вагоном производилась малой скоростью. Но по Финляндской желез-

ной дороге один поезд в сутки с таким грузом был скорым. Плата за перевоз груза в таком поезде взималась по повышенному тарифу. На месте назначения вещи разгружали и сдавали в пакгауз. Если груз шел в Финляндию, то до погрузки он осматривался таможенным чиновником. Для беспрепятственного перевоза обратно из Финляндии на некоторые вещи ставилась пломба. К таким вещам относились велосипеды, швейные машины, фотоаппараты и другие. Перевозка вещей со станции до дачи производилась транспортом местных крестьян. Справедливости ради следует отметить, что дороги в Финляндии в то время находились в значительно лучшем состоянии, чем в царской России.

Начиналось внутреннее устройство и создание дачного уюта. Когда на даче все было устроено, внимание дачников переносилось на окружение. Приводились в порядок цветочные клумбы. Перед террасой или балконом сажали вьющиеся растения: хмель, бобы, настурции и другие. Открытые террасы и балконы украшались полотняными портьерами. На помощь дачникам приходили разносчики цветочной рассады. Богатые дачники давали садовнику указания, где и как засадить клумбы. Дачники победнее, у которых в палисаднике была одна клумбочка, покупали рассаду и сажали сами. В больших садах перед дачами клумбы украшались зеркальными шарами разных цветов, гипсовыми фигурами гномов, ярко раскрашенными. Клумба обкладывалась каменными плитками, битым кирпичом или ограждалась гнутыми прутьями. Дорожки посыпались желтым и красным песком или толченым кирпичом.

Помимо скамеек в саду (если это был большой сад) обязательно была еще скамейка у калитки при входе в сад с улицы. Иногда это были парные скамейки, друг против друга, на мостике через канаву, если такая канавка была на дачной улице для стока воды. На этих скамейках дачники отдыхали и вели беседу в вечернее время. К такой беседе подсаживались и соседи. Когда начинало смеркаться, молодежь уходила гулять, а люди пожилые начинали расходиться по своим дачам на ночной покой.

После благоустройства сада или палисадника заботы родителей обращались на устройство развлечений для детей в соответствии с их возрастом. Для самых маленьких завозился песок, покупались формочки различной конфигурации, совки, лопаточки, ведерки и прочее.

Для детей младшего возраста вешались маленькие качели между близстоящими деревьями, гамаки, строились теремки с детской обстановкой. Дети занимались и развлекались, играя в большой мяч, серсо, волан, катая большое колесо, охотясь за

бабочками с сеткой. Наиболее распространенными детскими играми того времени были горелки, палочка-выручалочка, пятнашки, уголки, казаки-разбойники. Любимым занятием мальчиков постарше был запуск бумажного змея. Иногда этот змей поднимался высоко в небо, что говорило о хорошей конструкции его и об умении управлять им мальчиком-конструктором. Иногда этот змей снабжался трещоткой, и тогда полет его сопровождался треском. Неизменной игрой мальчиков была, конечно, игра в солдатики. Для этого подбирались команда из ребят лет десяти-четырнадцати. Взрослые помогали ребятам в организации этого дела. Родители покупали детям игрушечные ружья, сабли, револьверы, португези, форменные головные уборы, а на плечи нашивали погоны. У команды было знамя с двуглавым орлом, золотой бахромой и золотыми кистями, были горнист и барабанщик. Марширование по дачным улицам под звуки горна или дробь барабана доставляло ребятам большое удовольствие. Где-нибудь на полянке устраивали лагерь, натягивали парусиновую палатку. Ходили в поход, разведку, атаку, переправлялись через реку, словом, делали все, что требуется для обучения военному делу. Во время русско-японской войны такая игра имела особое значение. Англо-бурская война тоже оказывала свое влияние.

Для более взрослых отводился спортивный уголок, оборудованный кольцами, трапециями. Если позволяло место, на дворе устанавливались гигантские шаги, выбиралось место для игры в городки.

Такими развлечениями, как гигантские шаги, городки, лапта, охотно пользовались и взрослые, учащаяся и служащая молодежь. Особенно любимой игрой в светлые теплые вечера был крокет. Если не было подходящего места для крокетной площадки у дачи, выбирали какой-нибудь пустырь, где совместно с соседями общими усилиями устраивали такую площадку. Соседи-дачники объединялись в футбольные команды. Футбол не был в то время таким распространенным спортом, как теперь, и носил чисто любительский характер.

Не менее интересна была жизнь дачников и за пределами дачи. Там, где были большие водоемы: озера, реки — устраивалось лодочное катанье.

Купанье было на открытых пляжах и в закрытых купальнях. Надо отметить, что купальни очень безобразили местность, нарушая живописность пейзажа. Если некоторые из них были в хорошем или сносном состоянии, то другие своим полуразрушенным грозным видом, большими щелями портили берег озера или реки. К тому же эти щели были соблазном для нескромных глаз.

В Териоках, Сестрорецке и других местах, где море, что называется, было по колено, устраивались мостки, которые далеко уходили в море, и купающиеся, пройдя значительное расстояние по этим мосткам и оставив в кабине свою одежду, спускались по лесенке в море в таком месте, где вода уже была не по колено, и сразу могли плавать.

Любители рыбной ловли на этих водоемах находили свое удовольствие, пропадая на берегу или в лодке с утра до вечера, хотя результаты ловли иногда равнялись нулю.

В некоторых дачных местностях практиковался прокат верховых лошадей. Это мероприятие проводилось, главным образом, там, где были большие парки, а в парках — специальные дорожки для верховой езды. Богатые люди имели для этой цели специальные костюмы, как мужские, так и женские.

Организовывались дальние поездки на велосипедах, походы за грибами и ягодами и, наконец, пикники в веселой компании с выпивкой, закуской, иногда даже с самоваром и граммофоном, который в то время в жизни дачников играл большую роль. Над зеркальной гладью озера или по окрестностям разносились звуки романсов Вьяльцевой, Раисовой, Дулькевич, Паниной и других, а также модных в то время танцев: кэк-уок, кикапу, танго, ой-ра и других. Особенно доставалось граммофону в конце лета, в темные вечера, когда дачники собирались у самоварчика на балконах и верандах при свете керосиновой лампы, привлекавшей к себе тучи бабочек.

Мужчины, как молодые, так и пожилые, в летнее время ни в городе, ни на даче без головных уборов не ходили. Летними головными уборами в основном были панамы или соломенные шляпы с прямыми полями. Панамы были очень мелкого плетения и стоили дорого. Летний мужской костюм состоял из белой рубашки и светлых брюк с широким поясом из плотного материала, с нашитым кармашком для часов (ручных часов в то время не было). Люди в пижаме или в домашнем костюме за пределами территории своей дачи не появлялись. Это, если можно так выразиться, было дачным этикетом.

Общественная жизнь дачников протекала, главным образом, в таких клубах, как Яхт-клуб, Гребной клуб, Теннисный клуб и другие. Такие клубы были, например, в Шувалове. Надо отметить, что членами этих клубов были люди состоятельные. Помимо того, что членские взносы в эти клубы были высоки, надо было иметь и соответствующий туалет для посещения клуба, особенно в воскресенье, праздники и уж, конечно, в дни состязаний. Никакой формы с отличительными знаками у членов клуба не было, но одеты все были одинаково: в Яхт-клубе,

Гребном клубе — в синий двубортный пиджак и белые брюки, в Теннисном клубе — весь белый туалет, как для женщин, так и для мужчин. Это было нарядно. К тому же туалет этот всегда имел аккуратный и опрятный вид. Кроме того, если в Теннисном клубе достаточно было иметь только собственную ракетку, то в Яхт-клубе необходимо было иметь собственную яхту. Все это для малоимущего дачника было недоступно.

Насколько высоки были членские взносы в некоторых клубах, видно из следующих примеров: в Крестовском лаун-теннисном клубе членский взнос был 30 рублей, а посетители лаун-теннисной площадки в Таврическом саду платили 50 рублей за сезон.

Гонки на озере, как яхт, так и гоночных лодок, были и праздником для дачного поселка. Обычно эти гонки приурочивались к воскресенью. Празднично разодетые дачники всех возрастов и разного социального положения высыпали на берег озера. Так открывалось гулянье. Гулянье продолжалось до позднего вечера.

Наиболее демократическая часть дачников, и особенно молодежь, создавала драматические кружки, давала любительские спектакли, импровизированные концерты. Никаких специальных помещений для этого дела тогда не было. Все эти мероприятия устраивались в каком-нибудь сарайчике или просто под навесом. Чтобы оборудовать «зрительный зал», каждый тащил из своей дачи что только мог, начиная с мягкого кресла, кончая простой скамейкой или табуреткой. На таких же добровольных началах обставлялись и сцена, и вообще весь спектакль: и декорации, и костюмы, и бутафория, и грим. Кое-что бралось напрокат в театральном ателье. Несмотря на исключительную примитивность этого дела, в него вкладывалось много души, много любви. И любитель-режиссер, и любители-актеры серьезно относились к любимому делу, аккуратно посещали репетиции, добросовестно заучивали роли, но все же без суфлера при такой постановке дела обойтись было нельзя. Репертуар такого любительского театра состоял почти исключительно из пьес легкого жанра: водевилей и бытовых сенок. Однако были и такие коллективы, которые брались и за более сложный и серьезный жанр. В день спектакля у всех было приподнятое настроение, у всех было много забот: кто приводил в порядок «зрительный зал», подметал, устанавливал сиденья, кто подрезал фитили и наливал керосин в лампы для освещения рампы, кто занимался сценой, кто проверял исправность занавеса — не заедает ли, а актеры бродили в своих садиках и палисадничках, еще и еще раз подзубривая роль, чтобы не оскандалиться при выступлении.

Спектакли давались бесплатно, а для порядка раздавались пригласительные билеты. У входа в «зрительный зал» стоял контролер, но без «зайцев» дело, конечно, не обходилось. Иногда пригласительные билеты писались просто от руки, иногда — на машинке, а иногда им придавалась даже художественная отделка с карандашными или акварельными зарисовками. Такие пригласительные билеты хранились в семьях, как память о дачной жизни, как память о людях, с которыми так интересно и приятно проходило время.

Давались как исключение и платные спектакли с благотворительной целью: то ли на погорельцев в деревнях, то ли на сельскую школу или больницу, во время войны — на раненых. Инициаторы и устроители таких спектаклей ходили по дачам и предлагали дачникам билеты, разъясняя благотворительные цели этих сборов.

Несмотря на всю примитивность таких спектаклей, они пользовались успехом у дачников. Публика относилась не только доброжелательно и сочувственно к такому предприятию, но и старалась помочь ему, чем только могла, начиная с табуретки и керосиновой лампы, кончая туалетами для актеров. Кто знает, может быть, некоторые из этих актеров-любителей впоследствии стали профессиональными артистами или в провинции, или даже на сцене столичных театров.

Примерно с 1908–1910 гг. в дачных местностях начинало появляться кино. Кинематограф внес некоторое разнообразие в жизнь дачников. Здесь вечер-другой можно было интересно и приятно провести время. Кино посещалось очень охотно, несмотря на страшную тесноту и духоту. Помещения были так малы, что едва вмещали 100–150 зрителей.

В некоторых дачных местностях были увеселительные сады с духовым оркестром в раковине, с театральными помещениями, с большим рестораном. Такой сад был, например, в Озерках по Финляндской железной дороге. Такие сады посещались не только местной дачной публикой, но и публикой из Петербурга. Наконец, были дачные местности, где дачники могли пользоваться концертами симфонической музыки. К таким местностям надо отнести Петергоф, Сестрорецк и уж конечно Павловск. В Павловске, в привокзальной части парка, были построены благоустроенная открытая эстрада, а также закрытый зал, где давались симфонические концерты под руководством как русских дирижеров, так и иностранных гастролеров. Во время антракта между отделениями концерта публика прогуливалась по парку. Тут же был большой ресторан. Эти концерты также посещались не только местными дачниками, но и любителями симфонической музыки из Петербурга. Вход на

концерты был бесплатный. Но в закрытом зале перед эстрадой была выделена часть мест за плату. Программа концертов составлялась на неделю, причем эта программа была исключительно разнообразна и рассчитана на разные вкусы. В определенные дни давалась симфоническая музыка, в другие дни — легкая, а по понедельникам — военно-духовая. Воскресенье отводилось для выступления гастролеров.

Концертный зал принадлежал правлению акционерного общества Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги. Цена за проезд от Петербурга до Павловска была выше, чем на остальных пригородных железных дорогах, что в известной мере компенсировало бесплатность концертов. Расписание движения поездов согласовывалось как с началом, так и с окончанием концертов.

Если говорить о гуляньях дачной публики, то тут надо иметь в виду, в первую очередь, ежедневное гулянье по вечерам на станции железной дороги. Уж так было заведено, что дачники и особенно, конечно, дачная молодежь по вечерам собирались на станции. Тут встречали с вечерними поездами жены своих запоздавших мужей. Тут устраивались свидания, заводились знакомства, процветал флирт.

Многие молодые люди приходили на дачные гулянья со стеклом. Это было тогда модно. Дачные поезда приходили и уходили, дальние поезда мчались без остановки, а молодежь фланировала и фланировала. Первыми уходили с этого гулянья служащие молодые люди, которым надо было рано утром ехать на службу, в последнюю очередь — гимназисты, студенты, прочая свободная молодежь, беззаботно жившая на даче.

В некоторых дачных местностях были добровольные пожарные общества, членами которых была молодежь, жившая на даче. Тут были праздные сынки богатых купчиков и прочая свободная от службы молодежь. Такое общество было, например, в Озерках. Так вот, для пополнения средств этого общества устраивались гулянья. Гулянье проводилось на берегу озера. Играл духовой оркестр. По берегу фланировала и флиртвала молодежь. Нарядно одетые девицы, приглашенные обществом из среды дачниц, продавали конфетты и серпантин. Около этих продавщиц увивались и помогали продавать души-ки-пожарные, одетые с иголочки в форму пожарных, с блестящими пуговицами, а на голове их горела каска, начищенная до предельного блеска. Форма и каски были, конечно, собственностью членов общества. Красавцы-пожарные руководили гуляньем, поддерживали порядок и лихо ухаживали за девицами местного дачного света. Конфетты, которое продавалось в мешочках из тонкой бумаги, раскупалось нарасхват.

Купив мешочки с конфетти и набив ими полные карманы, компания молодых людей осыпала ими встречных девушек, а те, не оставаясь в долгу, засыпали их своими конфетти. В этой перестрелке заключалось веселье, которое сопровождалось репликами, остротами, комплиментами и, конечно, смехом. Нетрудно себе представить, как после боя с конфетти выглядели гуляющие, и дорожки на берегу озера, и трава вокруг дорожек, и кустики, и даже нижние ветки деревьев, — все было усеяно разноцветными конфетти. На дорожках этого конфетти было так много, что гуляющие ходили по нему, как по ковру — такое было ощущение. Тут же завязывались знакомства, и молодые люди договаривались с девушками о встрече на танцах, которые устраивались вечером в увеселительном саду «Озерки». Тут же давался спектакль приезжими из Петербурга профессиональными актерами.

После такого гулянья большая забота выпадала на долю девушек. Конфетти имело свойство не только задерживаться на поверхности прически, но и проникать в глубь волос. Большого усилия стоило расчесать волосы так, чтобы от конфетти не осталось и следа. Но, как говорится, охота пуше неволи. На следующее утро «пострадавшие» девицы охотно шли на это веселое гулянье, не задумываясь над последствиями для прически.

Поскольку речь зашла о пожарных, надобно попутно сказать несколько слов о пожарах. Пожары в дачных местностях в то время были довольно часты, особенно, конечно, в жаркое засушливое лето. В тушении пожара принимали участие как местная пожарная команда, так и члены добровольного пожарного общества. Надо сказать, что последние довольно умело помогали пожарным тушить пожар. Надо иметь в виду, что на пожар сбегались любопытные со всего дачного поселка, в числе которых были и поклонницы пожарных добровольного общества. Последнее обстоятельство побуждало членов этого общества вести себя на пожаре с достоинством, чтобы стать героями дня.

Поводом для гулянья дачников были и мероприятия по сбору средств на благотворительные цели. Таким мероприятием был, например, сбор средств на «белый цветок» — на борьбу с чахоткой (тогда слово «туберкулез» не было еще в большом ходу). Для продажи «белого цветка» привлекались и дачники, преимущественно дачницы, которые, получив запломбированную кружку для сбора денег и щит с ромашками, ходили по дачным улицам в сопровождении кавалеров и предлагали встречным внести посильную сумму на борьбу с чахоткой. Опустившему в кружку монету молодая дачница прикалывала ромашку. Так как

взносы делались преимущественно медными деньгами, кружка при хорошем сборе была тяжелая и ее нес один из кавалеров сборщицы, а сборщица прикалывала ромашку или на лацкан жертвователя, или на платье жертвовательницы. Кампания сбора средств на борьбу с чахоткой носила широкий характер, ее проводили во всех городах и поселках.

Местные храмовые праздники тоже служили поводом для гулянья. Колокольный звон оповещал местных жителей и дачников о начале праздничного богослужения в храме. Кому надо было попасть на богослужение, шли раньше. А молодежь собиралась вокруг храма, когда богослужение подходило уже к концу. Вот тут и происходило гулянье, которое заканчивалось к обеденному времени, когда все дачники уходили домой обедать.

Особо следует остановиться на празднике Иванова дня. В эти дни была традиция сжигать смоляные бочки. Традиция эта особенно крепко держалась в Финляндии и в Прибалтике. Это было исключительно эффектное зрелище. На поляне, на реке, у озера устанавливались костры в несколько ярусов. На костер ставилась смоляная бочка. С наступлением темноты при большом стечении местных жителей и дачников костры зажигались, освещая окрестность зловещими языками пламени. Здесь же проводились танцы, преимущественно местных жителей, которые продолжались до тех пор, пока не затухал последний костер. Танцы носили национальный характер этой местности.

Кроме общественных гуляний отмечались семейные праздники: именины, дни рождения. Эти праздники справлялись очень торжественно. Праздничная обстановка создавалась, главным образом, в саду или палисаднике перед дачей. Балконы и веранды украшались гирляндами из зелени. В саду на протянутой в разные концы проволоке развешивались флажки из цветного материала, а между ними — разных цветов и разной формы китайские бумажные фонарики. С наступлением темноты свечи в фонариках зажигались, зажигались также бенгальские огни. Все это придавало саду феерическую декоративность. В заключение вечера сжигался фейерверк. Фейерверк закупался в пиротехническом магазине в городе, на Казанской улице. В зависимости от достатка дачников фейерверк был различный и по количеству, и по эффективности. Устраивался фейерверк преимущественно у водоемов: на реке, берегу озера. В богатом подборе было много разнообразия. Тут были цветные ракеты, римские свечи, огненные лягушки, прыгающие по воде, вращающееся огненное колесо и многое другое. Всем этим делом руководили только взрослые, не допуская ребят принимать в них участие. На фейерверк бога-

тых дачников сбегались соседи. Это развлечение доставляло всем большое удовольствие, вызывало восхищение. Такое праздничное настроение господствовало особенно в такие дни, как Ольгин день, Иванов день, Петров день, день Святого Владимира и в некоторые другие, когда было много именинников и именинниц. После фейерверка гостей приглашали к праздничному ужину. Если погода благоприятствовала, ужин устраивался в саду при свете бумажных фонариков и при свечах на столе. Свечи ограждались от ветра специальными стеклянными колпаками. Такая картина ужина была очень привлекательна и носила характер семейной праздничной идиллии. Поздним вечером с последним поездом гости разъезжались по домам. От дачи до станции гостей провожали хозяева. Весь этот путь сопровождался шумом, смехом, шутками. По такой компании можно было судить, насколько весело прошли именины. Наиболее «нагрузившихся» за ужином гостей оставляли ночевать.

В дачных местностях были люди, которые в поисках средств на пропитание развлекали дачников. К таким людям надо отнести шарманщиков, Петрушку, бродячих музыкантов и даже маленькие бродячие оркестры.

В дачных местностях шарманка популярностью не пользовалась, так как не имела здесь такого благодарного круга слушателей, как во дворах города. Когда шарманщик походил к даче и начинал свой «концерт», то к нему спешила или сама дачница или горничная, если это была богатая дача, и, дав ему несколько медных монет, махала рукой. Это означало: «Бери деньги и иди дальше». Так смотрели на это дело взрослые дачники. Иначе смотрели дети. Им хотелось слушать шарманку, им хотелось посмотреть обезьянку, наконец, им хотелось, чтобы белая мышка вытащила «счастье», как тащат это «счастье» для больших тетей. Но с маленькими дачниками никто не считался. И, несмотря на слезы, шарманщика выпроваживали. Едва ли это очень сильно задевало самолюбие шарманщика. Он снимал шляпу, благодарил за деньги и продолжал свой путь дальше, радуясь тому, что при таких обстоятельствах удастся обойти больше дач, побольше собрать денег. А что касается самолюбия, то на самолюбие хлеба не купишь, шубу не сошьешь. Такое отношение к шарманщику было, конечно, не везде. И в дачной местности встречались люди, которые находили какую-то прелесть в шарманке, или слушали ее в соответствии со своим настроением, или просто стеснялись прогнать шарманщика, чтобы его не обидеть. К таким людям можно отнести дачников победнее, не умудренных высоким музыкальным искусством, к каким причисляли себя богатые дачники.

Другое дело — Петрушка. Не в пример тоскливой шарманке Петрушка был жизнерадостным искусством. Петрушка был очень популярен среди дачников, как бедных, так и богатых, его нигде не гнали, везде охотно принимали. Достаточно было раскинуть ширму для представления, как со всех сторон сбегалась дачная детвора. Прodelки и приключения озорного, находчивого, веселого Петрушки вызывали звонкий детский смех. Ему дружно аплодировали. После представления начинался сбор денег. Иногда Петрушку приглашали на дачу в дни детских семейных праздников, на именины ребят. Об этом заранее договаривались: и о репертуаре, и о цене, и о времени. Такие приглашения делали главным образом богатые дачники.

Развлекали дачников и бродячие музыканты. Это были большей частью пожилые, и даже престарелые, скрипачи, которым и по старости, и по болезни трудно было устроиться в какой-нибудь театр. Отсутствие средств к существованию и заставляло этих людей бродить от дачи к даче. И возраст, и внешний, иногда болезненный вид этого человека вызывали сочувствие к нему и, прослушав один-два номера его выступления, давали деньги.

Иногда по дачной местности ходили даже трио, квартеты и духовые, и струнные. Тут были музыканты и молодые, и старые. Репертуар их состоял из легкой музыки, преимущественно из оперетт, носящих развлекательный характер. Такие оркестранты давали свои концерты у богатых дач, рассчитывая на более щедрое подаяние.

В некоторые дачные местности приезжала карусель. Карусель обычно устанавливалась на каком-нибудь пустыре. Среди дачной детворы и детей местных жителей карусель пользовалась огромным успехом. Крутилась она лошадию под звуки баяна или даже простой гармошки. Вокруг карусели всегда стояла большая толпа ребят, которая шумно и весело приветствовала катающихся на карусели: то ли на деревянной лошадке, то ли на льве, то ли на лебеде или просто в ладье. Рядом с каруселью стоял столб. На столбе было повешено металлическое кольцо. Дети, которые катались на лошадке, льве или лебеде, старались это кольцо снять. А снять его было не так просто. Снявшему это кольцо полагалось одно бесплатное катание. Желающих покататься на карусели было много, спрос был большой, деньги текли в кассу, предприимчивый хозяин этого предприятия наживался. Каждый был доволен по-своему: детвора радовалась интересному развлечению, хозяин — прибыли.

В дачных местностях, близких к городу, был постоянный шум. Разносчики нараспев рекламировали свой товар. Это начиналось с раннего утра. Затем являлись шарманщики, а вечером —

граммофон. Граммофоны тогда имелись во многих дачах. Они часто были неисправны, поэтому шипели, кряхтели, хрипели. Кругом всегда играл граммофон. Это была мода. На каждой террасе звучали арии из «Веселой вдовы» («Качели», «Иду к Максиму я» и др.), пели «Пупсик, мой милый пупсик», а хрипящий в граммофоне голос умолял, чтобы на могилу принесли хризантемы (романс «Хризантемы») и т.д. Люди, которые нуждались в покое и отдыхе по возрасту или по болезни, молодежь, которая готовилась к осенним экзаменам и переэкзаменовкам, просто не знали, куда себя деть от этой музыкальной шумихи. А дачи, особенно по Финляндской железной дороге и по другим линиям железных дорог, стояли так близко друг от друга.

По дачным местностям бродило много цыганок. Они заходили в сад, в палисадник или прямо в дачное помещение и настойчиво предлагали дачникам и особенно дачницам погадать. Они были так нахальны, упрямы, настойчивы, что выгнать их не было никакой возможности. Выход был один — согласиться. Протянув цыганке руку с открытой ладонью, дачница, не слишком веря гаданью, с улыбкой слушала болтовню цыганки. Когда гаданье кончалось, дачница, радуясь, что испытанию пришел конец, давала цыганке несколько медных монет. Однако радость дачницы была преждевременна — испытание ее еще не кончилось. Сунув деньги в большой карман своей широкой юбки, цыганка начинала просить что-нибудь из старого носильного белья, из платьев, из обуви, как для себя, так и для своего маленького. Большинство цыганок ходило с ребятами: одним грудным, да одним-двумя маленькими, которые болтались у нее в ногах, держась за юбку. Ребятишки были черные, грязные, босые, лохматые и худенькие. Пока цыганке не дадут каких-нибудь обносков, она не уходила. Но иногда терпению приходил конец, и общими усилиями цыганку выгоняли из сада, закрыв калитку на задвижку для верности. Бродили они и по улицам, и на станции, — везде, везде. Нигде не было от них спасенья.

С большим интересом посещали дачники цыганский табор. Цыгане были не везде. По Финляндской и Приморской железным дорогам их не было совсем. По другим железным дорогам были. Но больше всего их было по Николаевской железной дороге. Здесь они кочевали вдоль Московского шоссе. Вот дачники, которые жили на этой железной дороге, в Саблино, Тосно, Любани, и посещали эти таборы. Что такое табор? Расположенный станом обоз кочевников, у цыган — группа семейств, кочующих вместе. Цыгане разбивали свой табор вблизи какого-нибудь жилого местечка: деревни, села, поселка, дачной местности. Это делалось с целью использования возможностей для пополнения своих запасов как промышлен-

ными товарами, так и продуктами питания. Ведь цыгане ничего не производили, они только потребляли. Цыгане использовали местное крестьянство для разных махинаций с лошадьми, а цыганки — для гадания. Табор разбивался на какой-нибудь полянке, при этом выбиралось место повыше и поближе к воде. Вот картина табора: в несколько рядов натянута шатры, за шатрами стоят кибитки с поднятыми вверх оглоблями, тут же пасутся кони. Женщины и ребята толпятся около шатров, мужчины — около обоза, занимаясь починкой кибиток, смазкой колес, ковкой лошадей и другими хозяйственными делами. Собираясь в табор, дачники запасались большим количеством медных монет и конфетами. Первыми они расплачивались с цыганками за гадание, вторые раздавали ребятам. Для ребят брали еще разные побрякушки и всякого рода дешевые украшения из стекла, меди и прочее, на что так падки были цыганские ребята. Образ жизни цыган был крайне примитивен. Если заглянуть в шатер, то там ничего не было, кроме перина, одеял, подушек, чайника, кружки и доски, на которой лежали хлеб и кожа. У ребят в руках всегда был кусок хлеба. Они его жевали весь день. И на 80% он составлял их суточное питание. В теплую и сухую погоду цыгане спали в шатрах, в холодную и дождливую — в кибитках. Санитарно-гигиенические условия их жизни были ужасающие.

Перины у цыган были богатые. Они были очень большого размера и на лебяжьем меху. Ложась в такую перину, человек буквально утопал. Такая перина могла спасти от любого холода.

Табор дачники посещали компаниями. Дачников здесь встречали приветливо. Цыгане снимали картуз или широкополую шляпу и кланялись. Все знали, что дачники идут с самыми мирными намерениями, повеселиться, познакомиться с их бытом. Дачники угощали цыган папиросами, заводили с ними беседу. Цыгане же развлекали гостей танцами под бубны, пением романсов под гитару. Дачники раздавали исполнителям деньги, а ребятам, которые тоже пели и танцевали, конфеты и побрякушки. По вечерам в таборе зажигались костры. Вечерняя жизнь до сна протекала у этих костров. Табор при освещении костров представлял очень эффектное зрелище, с большой долей романтики, навеянной поэмой А.С. Пушкина «Цыгане». С большими впечатлениями возвращались дачники домой.

Дачники развлекались с утра до вечера. А как же проходил день у прислуги, кухарки, няни, которые обслуживали своих господ? Их день без учета и нормы времени проходил в труде. Только к вечеру, закончив работу на кухне, уложив детей, эти труженицы находили себе покой. Собирались они на дворе дач

и, сидя на скамеечке или на ступеньках лестницы черного хода, беседовали, посвящая друг друга в тайны жизни своих господ. У людей преклонного возраста, утомленных за день работой, быстро смыкались глаза, и они спешили на покой. А кто был помоложе, занимались играми, пользовались гигантскими шагами, если они не были заняты господами, компаниями гуляли по дачным улицам. У девушек заводились знакомства. Знакомства эти возникали, главным образом, среди приказчиков магазинов или продавцов разносной торговли, то есть среди таких людей, с которыми им приходилось общаться при закупке продуктов. Особенно доставалось бедной прислуге, когда в лесу поспевали ягоды и грибы. Господа ради прогулки ходили в лес, собирали ягоды и грибы, а придя домой, обработку их для заготовки сваливали на руки прислуги, которая все это чистила, варила, солила, мариновала. Зимой же эти господа, угощая гостей, хвастливо подчеркивали, что это их заготовки, их труды, их кулинарное искусство и т.д. Одним словом, и «мы пахали».

В царской России широко было развито нищенство. Не говоря уже о целых толпах нищих у папертей церквей в праздничные дни, они бродили всюду, прося подавание. Бродили они и по дачным местностям. Нищие были разные и по внешнему виду, и по возрасту, и по манере просить и даже требовать подавание. Возможно, тут были люди несчастные, с тяжелой судьбой, были люди спившиеся и опустившиеся на «дно», были лодыри и тунеядцы, были и просто бродяги, были и нищие-профессионалы. Был еще один вид бродячих людей — это странники. Эти люди, преимущественно старики и старухи, бродили по святым местам, проходя всю Россию от Соловецкого монастыря на севере до Афона на Черном море. Ходили они от села до села, от города до города, прося подавания и приюта на ночлег. Нищих было много везде, но вот странников-паломников больше всего было все на том же Московском шоссе. По этой трассе они перебирались от Петербурга до Москвы в Троице-Сергиеву лавру, затем в Киев, в Киево-Печерскую лавру, и далее на юг до Афона. Вся эта вереница нищих и странников тянулась весь день, с утра до вечера. Не успевали дачники выпроводить одного, дав ему копейку или кусок хлеба, как появлялся другой, третий и так без конца.

Для дачников по Николаевской железной дороге назойливые цыганки со своим гаданием, нищие и странники-попрошайки были настоящим бичом. Подавать всем не было никакой возможности. Поэтому дачники, увидев под окном очередного нищего или странника, махали рукой и говорили: «Не прогневайся». Это означало, что в подавании ему отказано. И нищий или странник шел дальше. Но бывали случаи, когда какой-

нибудь нищий-пьяница, которому срочно нужно было опохмелиться, начинал требовать подаяния и даже прибегал к угрозам. Так как днем в дачах мужчин не было, то испуганная женщина спешила удовлетворить требование вымогателя и успокаивалась только тогда, когда он покидал территорию дачи.

Правда, были дачные местности, где нищих, бродяг и странников совсем не было. К таким надо отнести прежде всего летние дачные резиденции царя: Петергоф, Царское Село. На территории этих резиденций было много полиции и дворцовой охраны. Вот они-то и вылавливали нищих и бродяг и сразу же забирали в полицейский участок, где выясняли их личность и направляли для дальнейшей изоляции, а точнее — для высылки по этапу. Почти не было бродяжных людей в Павловске и по Приморской железной дороге, особенно в Сестрорецке. Но зато, как уже упоминалось, по Московскому шоссе было раздолье.

Торговое обслуживание дачников было различно, все зависело от дачной местности и контингента дачников. Лучше это дело было поставлено в местах царской летней резиденции, по Приморской железной дороге, в курортной зоне, и по Финляндской железной дороге, несколько хуже — по линии Николаевской железной дороги, где дачникам, жившим по шоссе, приходилось ходить за продуктами на станцию железной дороги, где была сосредоточена вся торговля. Да и не только здесь, но и во всех дачных местах магазинная торговля располагалась у станции, за исключением таких городских поселков, как Петергоф, Царское Село, Сестрорецк и других, где торговые точки были разбросаны по всему поселку. Магазинная торговля ничем не отличалась от городской. Но вот разносная торговля отличалась, и она очень спасала положение дачников, особенно живших далеко от станции, доставляя на дачи самое необходимое, начиная с хлеба. Снабжение дачников хлебом и булками производил булочник. Для этой цели у него была большая корзина, которую он носил на спине, на широком ремне через плечо. Корзина была четырехугольная, сверху — шире, внизу — уже. Покрыта она была белым материалом, а на случай дождя — еще клеенкой. Наверху находилась плоская низкая широкая корзиночка с пирожными. Она снималась. Под ней была корзина поглубже, со слобой. Она тоже снималась. Все остальное место в корзине до дна было занято хлебом и булками. Товар был только штучный, развесного не было, как и не было весов. В дачной местности был не один разносчик-булочник. У каждого был свой участок обслуживания. Обход своего участка булочник делал всегда в одно время. К этому времени дачники поджидали своего поставщи-

ка. Если в саду или на веранде никого не было, булочник стучал в окно, ожидая выхода дачницы.

Большим спросом пользовались у дачников выборгские крендели, шведский хлеб, английский хлеб и старорусские бублики. Этот товар разносили особые разносчики на лотке, который носили на голове. Торговали им и в городе, но особым спросом он пользовался в дачных местностях и преимущественно в дачных местах по Финляндской железной дороге. Продавцы предлагали свой товар нараспев, растягивая слова по буквам: «В-ы-ы-ы-б-о-о-о-о-ргск-и-и-и-е кр-е-е-е-нд-е-е-ели» и т.д. Так что по одной этой распевной интонации дачники уже знали, что к даче приближается продавец выборгских кренделей, и выходили к калитке навстречу продавцу. Кстати сказать, и другие продавцы-разносчики предлагали свой товар нараспев, причем каждый из них имел свою интонацию.

К дачам подвозилось на тележке мясо. Товар взвешивался большим безменом. Рыба же подносилась в большой зеленой кадке со льдом, которую продавец носил на голове, подложив под кадку обшитый кожей мягкий круг. Торговля рыбой была распространена в местностях с большими водоемами.

С наступлением ягодного сезона начиналась торговля ягодами, как привозимыми из города, так и из местных садов. Разноска производилась на лотке в корзиночках, покрытых холстом. Лоток носился на голове. Арбузы развозились на тележке.

В дачных местностях были и овощные лавки, но дачники предпочитали пользоваться овощами местных огородов, прямо с грядки. Широко пользовались дачники и цветами местных садоводов.

Непременным поставщиком дачников был мороженщик. Способ доставки мороженого был различный: на голове, на ручной тележке и даже на двуколке, запряженной лошастью.

Широко поставленная разносная торговля делала жизнь дачников удобной и пользовалась большим успехом.

В то время торговля в киосках, в ларьках была очень ограничена и находилась около железнодорожной станции. Не было и столовых. Вообще общественное питание было поставлено плохо. Домашние обеды были дороги, да и отпускались они только постоянным посетителям. В ресторане, где они были, — еще дороже. Таким образом, летний отдых одиноких людей был мало обеспечен необходимыми удобствами.

Несколько слов о снабжении дачников газетами и журналами. В таких дачных местностях, как Сестрорецк, Павловск, Петер-

гоф, газеты продавали газетчики, которые стояли на перекрестках наиболее оживленных улиц. А вот в более мелких дачных местностях такой продажи на углах улиц, а также разносной продажи, не было. Газеты продавали в киоске на железнодорожной станции. Там же продавались и наиболее распространенные журналы, «Огонек» в первую очередь. Надо заметить, что в дореволюционное время такой большой потребности в газетах, как теперь, не было. Дачники шли на станцию за газетой или журналом ради прогулки, не слишком торопясь узнать новости дня, если в это время не было каких-либо исключительно важных событий.

Любопытно отметить еще одно обстоятельство в дачной жизни — это доставка почты. На маленьких станциях, особенно по Николаевской и Северной железным дорогам, почтовых отделений не было. А если была почта, то ее отдавали дежурному по станции, который клал ее на стол в зале ожидания. Дачники, жившие около станции или в прилегающих к станции деревнях, после прихода почтового поезда приходили на станцию и просматривали почту. При такой постановке дела никто не был гарантирован от всяких случайностей и злоупотреблений. Впоследствии такой примитивный порядок был ликвидирован. Все больше и больше стало почтовых отделений, и почтовые отправления доставлялись на дом.

Благоустройство дачных мест было также различно. Все виды благоустройства, какие были тогда возможны, сосредоточивались у железнодорожных станций: замощенные мостовые, освещение и другие. Широко использовались дачниками местные извозчики, стоявшие у станции железной дороги и подъезжавшие к месту стоянки к приходу дачных поездов. И чем дальше от станции, тем меньше было всяких благоустройств, — дороги были не мощены, а освещение почти отсутствовало или отсутствовало совершенно. В какой-то мере спасал свет, падавший с веранды дач, освещая путь запоздалому дачнику. В позднее время вообще рассчитывать было не на что, разве только на электрический маленький фонарик, когда он появился в продаже. При быстром распространении электрического освещения и в дачных местностях положение с уличным освещением улучшалось все больше и больше.

В ночное время, особенно осенью, делался обход дачной местности сторожем с деревянной колотушкой, представлявшей из себя коробку с привязанным к ней на ремне шариком. Сторож помахивал этой коробкой, приводя в движение шарик, который отбивал монотонный звук то об одну сторону коробки, то о другую. Однако такой способ охраны дачников и местного населения не достигал цели и даже наоборот, способ-

ствовал жуликам делать свое воровское дело, так как, прислушиваясь к колотушке, жулик знал, где находится сторож, и спокойно обворовывал дачу в другом конце поселка.

В некоторых дачных местностях был свой транспорт, который доставлял дачников в более отдаленные дачные поселки. Так, от станции Поповка по Николаевской железной дороге была проложена трасса с конной тягой до поселка Подобедовка. А от станции Шувалово ходил пароход через озеро, доставляя дачников в Первое Парголово. Пароход подавался к каждому приходу дачного поезда.

С окончанием дачного сезона и началом школьных занятий начинались сборы в обратный путь. Помимо всего того, что привозилось на дачу, в обратный путь увозились еще результаты трудов заботливых дачниц: варенье, соленья, маринады. Прислуга на возу сидела с большим букетом цветов. С такими же букетам шли на вокзал и уезжавшие дачники.

Дачная жизнь была обильным материалом для юмористических журналов того времени. Эта тема охотно использовалась и Чеховым в рассказах раннего периода его творчества. Образ «дачного мужа», увешанного всякого рода покупками, сделался классическим персонажем дачной жизни. В рассказах и карикатурах этих журналов отражались всякого рода приключения, связанные с переездом на дачу, с майскими холодами и прочими эпизодами дачной жизни.

Этот дачный быт ушел в прошлое навсегда. Он не стал уже преимуществом привилегированных классов и богатых людей. Пришла новая жизнь, с новым бытом. В наше время все больше и шире открываются возможности для летнего отдыха трудящихся: и широкая сеть санаториев и домов отдыха, и система туристских походов, и организованный отдых детей.

И как не похожи все эти виды отдыха на тот дачный быт прошлого, где было много для одних и ничего для других, для обездоленных тружеников, которые в первую очередь нуждались в летнем отдыхе.

Публикацию подготовил А. Конечный